

В. И. Козлов

ЭТНОС И КУЛЬТУРА

(К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОГО И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО
В ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРЫ)

В этнографической науке тема «Этнос и культура», несомненно, занимает одно из центральных, если не центральное место. Не так давно этнография считалась главным образом наукой о культуре и быте народов мира. Когда же в центре внимания этнографов оказались этносы, то это ненамного изменило ориентацию исследователей, ибо понятие «культура» играет очень важную роль в определении самого понятия «этнос». Постепенно, однако, стало вырисовываться некоторое несоответствие между подходом к определению этноса и подходом к определению основных задач этнографии: в первом случае упор делается на особенности культуры, которые, как будет показано далее, обычно представляются в виде этнической, или национальной, культуры; во втором случае культура понимается в более широком смысле — как культура этноса в целом. Так, Н. Н. Чебоксаров пишет: «По нашему мнению, именно культурная специфика (курсив мой.— В. К.) должна рассматриваться как основной признак всякого этноса, позволяющий во всех без исключения случаях отграничить его от других этносов. В сущности говоря, даже язык, обычно считающийся главным этническим определителем, теснейшим образом связан с культурой говорящего на этом языке народа, поскольку его культура, в первую очередь духовная, в значительной мере всегда выражается на определенном языке... Этнография, наука о народах, является в то же время наукой об их культуре»¹. Ю. В. Бромлей характеризует этнос прежде всего «общими относительно стабильными особенностями культуры (в том числе языка)»²; вместе с тем он подчеркивает необходимость включения в этнографические исследования «не только особенного, но и того общего в образе жизни, культуре и психологии народов, которое определяется их принадлежностью к одной социально-экономической формации, одному хозяйственно-культурному типу, одной историко-этнографической области, подобласти и т. д.»³.

К сожалению, соотношение понятий «культура», «культура этноса» и «этническая культура» остается недостаточно раскрытым. Нередко эти понятия даже отождествляются. Во многих этнографических работах проступает идея о том, что основными творцами и потребителями культуры являются именно этносы, что культура предстает главным образом в

¹ Н. Н. Чебоксаров. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых.— «Сов. этнография», 1967, № 4, с. 99, 100.

² Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, с. 37.

³ Там же, с. 264.

этнической оболочке, т. е. в форме этнической, или национальной, культуры. Что же касается межэтнической, или интернациональной, культуры, то она зачастую рассматривается лишь в «диалектическом единстве» с культурой национальной. Ю. В. Бромлей в одной из последних посвященных этому вопросу статей отмечает, что «интернациональное немислимо без национального», причем их «диалектическое единство» состоит в том, что «отдельное (национальное) не существует иначе, как в той связи, которая ведет к общему (интернациональному), а общее (интернациональное) существует лишь в отдельном (национальном), через отдельное»⁴. Близкую к этому позицию занимают и многие философы, работающие в области национальных проблем. Например, по мнению С. Т. Калтахчяна, «национальное включает в себя общечеловеческое, интернациональное»⁵. Несколько расходясь в формулировках, оба эти подхода, как нетрудно заметить, достаточно согласно отражают мысль о том, что исследователи практически имеют дело с этнической, или национальной, культурой, в которую интернациональная культура входит или через которую она отражается.

Иную позицию занимают специалисты-культурологи. В их работах культура рассматривается, как правило, в социально-философском плане, в тесном соотношении с жизнью общества и в целом слабо связывается с жизнью этносов. Показательна в этом отношении статья «Культура» в третьем издании БСЭ, где культура понимается как «исторически определенный уровень развития общества и человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях». Понятие культуры употреблено здесь для характеристики материального и духовного уровня развития человечества в определенные исторические эпохи, общественно-экономических формаций, конкретных обществ, народностей и наций (например, античная культура, социалистическая культура, культура майя), а также специфических сфер деятельности или жизни (культура труда, художественная культура, культура быта). При этом подчеркивается, что «культура — явление общечеловеческое и классовое», но ничего не говорится о том, что культура представляет собой преимущественно этническое явление, хотя и отмечается «многообразие форм культуры различных народов и обществ»⁶. Нельзя не обратить внимания и на то, что в третьем издании БСЭ уже нет статьи «Национальная культура», фигурировавшей в предыдущем издании.

Напрашивается предположение, что различия в трактовке культурных явлений этнографами и культурологами вызваны различиями в их понимании культуры. Однако это не так. Термин «культура» действительно многопланов, и многие исследователи по-разному подходили к определению понятия культуры. Однако в настоящее время, по крайней мере в советской научной литературе, существенных расхождений в этом вопросе уже нет. За исходное в наших дальнейших рассуждениях может быть принято с равным успехом как приведенное выше определение культуры в статье БСЭ, так, например, и удачное определение культуры, данное Ю. В. Бромлеем, трактовавшим ее как «совокупность специфически человеческих способов целенаправленной деятельности и ее результатов»⁷. Все ученые признают и тот факт, что культуру создают и потребляют люди, которые как существа социальные группируются в те или иные общности, будь то семья или этнос, производствен-

⁴ Ю. В. Бромлей. Интернациональное и национальное в строительстве социализма. — «Сов. этнография», 1977, № 5, с. 14.

⁵ С. Т. Калтахчян. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1976, с. 140.

⁶ «Большая советская энциклопедия», т. 13. М., 1973, с. 594 (3-е изд.).

⁷ Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография, с. 16.

ный коллектив или государство и т. д. Расхождения начинаются при оценке значения конкретных социальных группировок: этнографы, естественно, считают, что ведущую роль в этом отношении играет этнос, а культурологи — общество с его социально-классовыми подразделениями. А так как неэтнические виды культуры обычно интерэтничны, то мы вновь сталкиваемся с проблемой соотношения этнического, или национального, и интерэтнического, или интернационального.

В целом же при изучении темы «Этнос и культура» перед исследователем встает не одна проблема и даже не несколько разрозненных, а целый комплекс связанных между собой проблем. Решение их затруднено и тем, что для объяснения эволюции культурных явлений предлагаются различные, нередко во многом противоречащие друг другу концепции. Для критического анализа и увязки таких концепций и решения всех проблем требуется огромная научная работа. В данной статье я ограничусь главным образом анализом соотношения этноса и культуры в историческом плане и в связи с этим рассмотрением актуального вопроса о соотношении национального и интернационального. Следует установить, какая часть культуры относится к интерэтнической, или интернациональной, и в чем суть ее соотношения с этнической, или национальной, условно, видимо, называемого иногда «диалектическим единством», — в простом единстве, при котором одно составляет арифметически или таксономически часть другого, или в таком виде взаимодействия, которое характерно для неантагонистических противоположностей.

Предварительно заметим, что если для философов и культурологов на первый план выступает общее понятие культуры, которым они и оперируют, то этнографы имеют дело с конкретными проявлениями культуры в материальной и духовной сфере жизни. И для того чтобы понять соединение элементов культуры в некую систему, следует рассмотреть их по отдельности.

* * *

Включим ли мы в общее понятие культуры все способы и все результаты человеческой деятельности (как в материальной, так и в духовной сфере), а также все связанные с ними формы социальной жизни⁸, или несколько ограничим его, приняв во внимание, как Ю. В. Бромлей, лишь «целенаправленную деятельность», — все равно перед нами окажется чрезвычайно широкое научное понятие, передающее сущность самого человеческого общества. Производственная деятельность людей, непосредственно нацеленная на обеспечение их жизни, находит выражение преимущественно в сфере материальной культуры, в которую принято включать главным образом вещи и орудия, т. е. продукты материального производства, потребляемые обществом или обслуживающие его материальную жизнь. Духовная культура охватывает продукты духовного производства, основные формы общественного сознания, а также эстетические ценности, выраженные средствами искусства; часть ее, проявляющаяся в идеологии, политике и т. п., входит в понятие надстройки и изменяется с изменением экономического базиса; другие же компоненты духовной культуры сохраняют относительную независимость от этого базиса и связанных с ним элементов материальной культуры.

Основоположники научного коммунизма в своих историко-материалистических концепциях так или иначе утверждали идею единства всего человечества, части которого развиваются исторически по ступеням общественно-экономических формаций, подчиняясь общим законам, определяемым прогрессом производства в целом. Различия в формах и темпах развития отдельных частей человечества, в том числе и отдельных

⁸ Э. В. Соколов. Культура и личность. М., 1972, с. 20.

этнических общностей, обусловленные конкретными природными и другими условиями их жизни, имеют в этом отношении второстепенное значение. Общими закономерностями характеризовалось и развитие многих элементов культуры, в первую очередь культуры материальной. Так, охотничий тип хозяйства повсеместно связан с применением копыя, а переход к земледелию закономерно потребовал употребления разрыхляющих землю орудий, причем наиболее удачные их формы постепенно распространялись на обширном пространстве. Можно с достаточной уверенностью утверждать, что основные формы материальной культуры определялись не столько границами этносов, сколько границами «хозяйственно-культурных типов», охватывавших группы людей, которые вели сходное хозяйство в аналогичных природных условиях. Гораздо большей вариативностью отличается духовная культура, в возникновении конкретных форм которой немалую роль могла играть случайность. Это в значительной степени проявилось и в отношении важнейшей формы духовной культуры — языка, включаемого в широкое понятие культуры. У всех народов лесной зоны Европы имеются мифы о лесных духах или, например, о превращении человека в медведя, но языковая форма таких мифов, да и сюжеты некоторых из них существенно различаются. Однотипные орудия получали у древних племен совершенно разные названия, причем такие расхождения в наименовании предметов материальной культуры не мешали употреблению орудий. Само по себе это не оказывало влияния на духовную культуру, однако различные словосочетания, включавшие такие термины, могли в совокупности отразить некоторые стороны этнической специфики духовной культуры, например в области фольклора, литературы и т. п.

Из сказанного ясно, что суть материальной культуры и духовной культуры настолько различна, что их соотношение с этносом надлежит рассматривать по возможности отдельно. Такой подход тем более целесообразен, что в узком смысле термин «культура» обычно охватывает только область духовной культуры, а иногда лишь часть ее; именно таким узким понятием «культуры» пользовался, например, В. И. Ленин, устанавливая наличие двух национальных «культур» в каждой культуре буржуазной нации. Далее мы остановимся на этом вопросе более подробно.

Начав с анализа материальной культуры, подчеркнем еще раз, что она обусловлена главным образом развитием производительных сил и особенностями природной среды и, как таковая, не столь уж сильно привязана к этносу⁹. В первобытнообщинную эпоху, когда все члены обычно небольших по численности племенных коллективов находились в одних и тех же природных условиях и занимались одинаковой хозяйственной деятельностью, внутриплеменная материальная культура была единообразной — соплеменники носили одинаковую одежду и украшения, употребляли одну и ту же пищу и т. п. Попутно отметим, что внутри племен единообразной была и духовная культура — все члены племени имели одни и те же верования, исполняли одни и те же обряды и т. п. Однако из этого вовсе не следует, будто бы культура и этнос в данную эпоху совпадали. Аналогичные, а часто и тождественные элементы материальной (и духовной) культуры были и у соседних племен, хотя восприятие их могло в той или иной степени различаться. Этнически различными у них, видимо, были лишь отдельные предметы материальной культуры и отдельные элементы культуры духовной; именно они-то, как правило, и играли роль символов этнической принадлежности.

Характерно, что уже в первом из сложившихся в этнографической науке теоретических направлений — эволюционизме (А. Бахофен,

⁹ Не останавливаясь подробно на проблеме соотношения этноса и так называемой археологической (т. е. остатков материальной) культуры, отметим, что прямая связь между ними прослеживается очень редко.

Л. Г. Морган, Э. Тайлор и др.) — была четко выражена идея о единстве человечества и прогрессивности его развития, о том, что в сходных условиях жизни неизбежно возникают и развиваются сходные элементы культуры. Против этой идеи выступили диффузионисты (Л. Фробениус, Ф. Гребнер, В. Шмидт и др.), утверждавшие, что оригинальные культурные явления возникали лишь в отдельных местах ойкумены, среди отдельных особо «творческих» этносов, а затем распространялись путем миграций. Однако и диффузионисты не отвергали, а по-своему подтверждали то обстоятельство, что границы распространения культурных явлений уже в первобытную эпоху не совпадали с этническими.

В раннеклассовых формациях с возникновением более крупных этнических образований (типа «народностей»), у отдельных частей которых сохраняются «племенные» особенности материальной культуры, или вследствие расширения этнических границ, когда группы одного народа оказываются в различных природных условиях, а особенно с дифференциацией занятий, классовым расслоением общества и отделением города от деревни единообразие материальной культуры внутри этносов обычно исчезает. Бревенчатый дом с двускатной крышей, характерный для северных великоросов, мало похож на глинобитный дом с четырехскатной крышей, распространенный у некоторых южных групп русского народа; орудия труда и одежда городского ремесленника отличаются от орудий труда и одежды земледельца или рыбака; эти различия между группами одного народа зачастую были больше, чем между аналогичными профессиональными или сословными группами разных народов.

Капиталистическая эпоха, с которой исторически связывается и развертывание процесса формирования наций, внесла новые и решающие изменения по существу во все элементы материальной культуры. Кустарно-ремесленные изделия вытесняются более дешевыми массовыми фабрично-заводскими изделиями; традиция уступает место целесообразности или моде. Первыми теряют свою этнографическую специфику орудия и способы труда; в железном плуге, пришедшем на смену русской сохе и украинскому сабану, а тем более в сельскохозяйственных машинах и фабрично-заводском оборудовании, конечно, уже очень мало этнического. Несколько медленнее идет изменение жилищ, особенно в сельских местностях, но и здесь оно совершается по мере перестройки старого полунатурального уклада хозяйства и патриархального образа жизни в результате внедрения новых материалов, типовых проектов домов и т. п.; некоторая этнографическая специфика, да и то не везде, сохраняется обычно лишь в интерьере жилищ. Одновременно развернулся процесс нивелировки этнических особенностей в одежде; он шел как путем вытеснения традиционного костюма одеждой так называемого городского типа, так и отчасти путем взаимопроникновения традиционных элементов одежды одного народа в бытующий костюм другого народа. То же самое, но более медленными темпами, происходило и с пищей. Эти процессы достаточно отражены в этнографической литературе¹⁰, поэтому ограничимся рассмотрением лишь некоторых интересующих нас аспектов.

Эволюция и трансформация материальной культуры шли неодинаково в разных частях этносов, по-разному накладываясь на существовавшие ранее различия. Частично сохранявшиеся элементы традиционной материальной культуры обычно не были для этноса ни единообразными, ни тем более «общими». В этнографической литературе отмечены многочисленные случаи сильной дифференциации элементов и даже комплексов материальной культуры особенно внутри крупных наций, части

---

¹⁰ См., например, главу «Отражение этнических процессов в материальной культуре народов СССР» в кн. «Современные этнические процессы в СССР» (М., 1977).

которых живут в различных природных условиях и заняты различными видами хозяйственной деятельности, и, напротив, сильное сходство элементов культуры у разных народов¹¹. Убедительные примеры несовпадения этнических границ с границами распространения элементов материальной культуры дают этнографические карты различных регионов СССР. Относительное единообразие культуры внутри этноса достигается обычно за счет нововведений, принадлежащих, как правило, к интернациональным видам материальной культуры, но они выходят далеко за пределы отдельных этносов, нередко охватывая целые части света; показательно, например, что упомянутый выше «городской» костюм называется еще «европейским».

Вытеснение традиционно-этнографических элементов материальной культуры инновациями интернационального типа в различных областях земного шара шло разными темпами. В настоящее время у большинства европейских народов, в том числе и у народов Европейской части СССР, основная часть традиционной материальной культуры вышла из массового бытования, а отдельные элементы ее сохраняются лишь в виде более или менее случайных рудиментов. Сравнительной стойкостью отличается, как уже отмечалось, пища, но традиционные блюда почти повсеместно передвинулись из бытовой сферы в праздничную, а в ряде мест сохранились лишь в меню «национальных» ресторанов. По праздникам кое-где можно увидеть и отдельные элементы и даже более или менее сохранившиеся комплексы традиционной одежды (как правило, у женщин); стилизованные комплексы одежды используются участниками специальных представлений, например так называемых национальных ансамблей, но поскольку такое употребление одежды связано главным образом со сферой духовной жизни, то к ней следует подходить скорее как к материализованным формам духовной культуры. Аналогично следует рассматривать и некоторые другие явления культуры, например украшение отдельных общественных зданий традиционными орнаментами или росписями на «национальные» темы, ибо от этого такие здания не становятся, конечно, компонентами традиционной материальной культуры.

Замедление процессов вытеснения традиционной материальной культуры может быть обусловлено рядом факторов, важнейшим из которых является отставание в социально-экономическом развитии и связанное с этим слабое влияние фабрично-заводского производства на бытовую сферу жизни, сохранение значительного веса ремесленного и домашнего производства и т. п.¹² Сравнительной стойкостью отличаются те элементы материальной культуры, бытование которых поддерживается религиозными установками (например, регламентация пищи у мусульманских народов), хотя в этом случае распространение их определяется уже не этническими, а религиозными границами. Выделить истинно этнические элементы материальной культуры у многих народов Азии и Африки довольно трудно, за исключением тех случаев, когда эти элементы являются своего рода символами этнической принадлежности. Чаще всего исследователь и здесь имеет дело с материальной культурой, однообразные виды которой распространены у ряда народов (например, женская одежда типа сари у народов Индии) и которая сильно варьирует внутри этносов в зависимости от социально-профессионального статуса, дохода и других причин. Мы не касаемся здесь специфических факторов, к которым относится, например, островное положение Японии, способст-

¹¹ А. А. Шенников. О понятии «этнографический комплекс». — «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», в. 3. Л., 1967.

¹² Значение в этом отношении природных условий, к которым лучше всего якобы приспособлены именно традиционные виды материальной культуры, не следует преувеличивать: пробковый белый шлем, например, гораздо лучше защищает от солнца, да и более гигиеничен, чем черная тяжелая барашковая шапка «тельпек» у туркмен.

вовавшее закреплению там многих элементов традиционной материальной культуры (главным образом в быту), или полуказарменный образ жизни в современном Китае, обусловивший замену традиционной одежды по существу единообразным костюмом синего цвета.

Переходя к области духовной культуры, признаем сразу же, что в ней этническая специфика в целом выступает сильнее. Это объясняется как передвижением своего рода «центра этничности» в сферу духовной культуры по мере закономерной интернационализации культуры материальной, так и непосредственной тесной связью некоторых элементов духовной культуры с этническим самосознанием. Русские народные песни и традиционные семейные обряды, например, явно отличаются от узбекских; такие отличия легко заметить и тогда, когда их исполнители оказываются одетыми в одинаковую «городскую» одежду и живут в одинаковых жилищах. Однако определить степень этнического своеобразия духовной культуры не так-то легко, ибо по самой своей природе она труднее поддается анализу, чем материальная культура. Так, анализируя только народные песни, приходится учитывать особенности языка и мотива, метрический размер стихотворной основы, традиционный подбор голосов и даже чувства, которые овладевают исполнителями и слушателями. Не случайно этнографы обычно рассматривают более или менее подробно лишь некоторые элементы духовной культуры (чаще всего — обряды), а при рассмотрении других (например, фольклора, народных знаний и т. п.) нередко обращаются к специальным дисциплинам. В дальнейшем, как и в случае с материальной культурой, мы ограничимся общим схематическим обзором соотношения духовной культуры с этносом.

Распространенная ныне концепция об органической связи этноса с духовной культурой базируется главным образом на идее связи этноса с языком, который считается важным компонентом культуры (в широком смысле этого термина) и в то же время — формой выражения многих других элементов культуры (фольклора, речевой части обрядов и т. п.). Установилась, впрочем, и тенденция рассматривать язык отдельно от культуры; именно в таком самостоятельном статусе он фигурирует по существу во всех определениях этноса, в том числе и в определении нации.

Анализ исторического соотношения языка и этноса (или, точнее, языковой и этнической общности) представляет собой особую проблему, разработка которой для ранних эпох не только затруднена, но и ограничена отсутствием фактических данных (письменных источников). Отметим лишь, что при всей сильной связи языка и этноса полного совпадения их, очевидно, не было ни в первобытнообщинную эпоху (когда этносы-племена говорили на диалектах и во многих областях существовала «лингвистическая непрерывность»), ни в раннеклассовых формациях, отличающихся массовыми миграциями, смешением различных в языково-культурном отношении групп населения, подвижностью этнических границ и т. п. Что же касается столетий более изученного нового времени, то в Европе, например, где основные народы уже сложились, мы имеем многочисленные примеры таких несовпадений: немцы, австрийцы, люксембуржцы и германо-швейцарцы употребляют немецкий язык; англичане, шотландцы и почти все ирландцы — английский; сербы, хорваты, черногорцы и боснийцы — сербохорватский язык и т. п.

Несовпадение этнических границ с языковыми усугублялось широким распространением двуязычия. Показательно в этом отношении распространение в XVIII—XIX вв. французского языка как международного языка культуры среди образованных слоев населения многих стран Европы. В XX в. французский язык был оттеснен английским, употребление которого уже давно вышло за рамки английского этноса. В настоящее время этот язык является родным или основным разговорным более чем

для 350 млн. человек, а в качестве второго языка (как язык международного общения, язык науки и техники, искусства и вообще культуры) употребляется еще многими десятками, если не сотнями миллионов людей во всем мире. Соответственно широкое распространение имеет и англоязычная культура. Нельзя не сказать в этой связи и о русском языке, употребление которого также давно вышло за рамки русского этноса. В настоящее время в СССР на него полностью перешла часть интонационального населения, а другая, большая часть, в своей массе знает русский язык и широко пользуется им при межнациональном общении и в других сферах жизни. Полифункциональность русского языка сочетается с большим значением русскоязычной культуры, которая составляет ядро общесоветской культуры и в такой своей роли служит всем народам страны¹³.

Категории «формы» и «содержания» культурных явлений в философско-культурологической литературе еще не разработаны; пока нет и четкого определения того, что именно следует считать «содержанием» духовной культуры, а без этого упор на языковые или какие-то другие ее «формы» выглядит явно однобоким. На этом обстоятельстве нам придется еще остановиться, а пока вернемся к рассмотрению некоторых важных факторов, влиявших на историческое соотношение этноса и духовной культуры. Одним из таких факторов была религия, которая, несомненно, является компонентом духовной культуры (опять-таки в широком смысле этого термина) и вместе с тем оказывает сильное воздействие на многие другие ее элементы. Влияние религии было повсеместно сильным в первобытнообщинной и раннеклассовых формациях, когда она глубоко проникла в семейный и общественный быт, установила контроль над многими сторонами жизни людей. При этом с распространением так называемых мировых религий (особенно христианства и ислама) влияние религии на жизнь людей, на их культуру и быт в ряде случаев даже усилилось. Характеризуя ситуацию, сложившуюся в феодальную эпоху, Ф. Энгельс пишет: «Средние века присоединили к теологии и превратили в ее подразделение все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию. Вследствие этого всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать теологическую форму. Чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной одежде»¹⁴. Показательно, однако, что и в средние века связь этноса с религией не была органичной; части одного этноса могли исповедовать разные религии (иногда это приводило даже к этнической дифференциации) и, напротив, разные этносы и части разных этносов — одну религию; это естественно распространялось и на все те элементы духовной культуры, которые были так или иначе связаны с религией, например на семейную обрядность. Несовпадение этноса и религии усугублялось тем, что основным языком богослужения и церковных книг (среди католиков — латынь, среди православных — старославянский, среди мусульман — арабский) обычно не совпадал с разговорным языком населения. Все это является существенным основанием для применения в историко-культурном районировании мира отделенного от этноса признака религиозной принадлежности (с выделением католических стран, мусульманских стран и т. п.).

С развитием капитализма влияние религии начинает ослабевать и нередко отходит на второй план под действием других факторов, однако далеко не все из них способствовали укреплению связи духовной куль-

¹³ «Современные этнические процессы в СССР», с. 541, 542.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 314.

туры с этносом. Сохраняется сильная близость многих элементов духовной культуры у различных народов¹⁵.

Вместе с тем гораздо резче, чем в прошлые эпохи, проявляется социально-классовая дифференциация духовной культуры внутри крупных этносов. Развернувшийся же процесс нивелировки таких различий идет главным образом за счет развития профессиональной культуры, которая, с одной стороны, опирается на ее этнические компоненты, с другой — во многом приобретает интернациональный характер. Народные мелодии уступают место мелодиям, сочиненным композиторами с использованием «модных» ритмов, народные танцы — так называемым новым, или «западным», танцам и т. п.

Особенно сильная внутриэтническая социально-классовая дифференциация обнаруживается в той части духовной культуры, которая так или иначе связана с идеологией. В конце XIX — начале XX в. австро-венгерские и российские проповедники «культурно-национальной автономии» пытались решить национальный вопрос в рамках буржуазного общества, в ущерб общим задачам революционной борьбы пролетариата, прикрываясь именно тезисом о якобы существующей «общности культуры» внутри капиталистических наций. В. И. Ленин в своих статьях по национальному вопросу резко отвергал идею об общности «национальной культуры» и связанный с нею лозунг «национально-культурной автономии», «соединяющий пролетариат и буржуазию одной нации, разделяющий пролетариат разных наций»¹⁶. «С точки зрения социал-демократии,— писал он,— недопустимо ни прямо ни косвенно бросать лозунг национальной культуры. Этот лозунг неверен, ибо вся хозяйственная, политическая и духовная жизнь человечества все более интернационализируется уже при капитализме. Социализм целиком интернационализирует ее. Интернациональная культура, уже теперь создаваемая систематически пролетариатом всех стран, воспринимает в себя не „национальную культуру“ (какого бы то ни было национального коллектива) в целом, а берет из каждой национальной культуры исключительно ее последовательно демократические и социалистические элементы»¹⁷. Или, например, в другой статье: «Есть две нации в каждой современной нации — скажем мы всем национал-социалам. Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре»¹⁸. Эти высказывания В. И. Ленина до сих пор толкуются неоднозначно. По нашему мнению, из того, что В. И. Ленин, критикуя лозунг «национальной культуры», сам употреблял в кавычках или даже без кавычек этот термин, никак не следует, будто бы тем самым он признавал общность «национальной культуры». Утверждать так — значило бы исказить основную суть высказываний В. И. Ленина о существовании двух национальных культур; другое дело, что он в данном случае понимал под «культурой» лишь часть духовной культуры, непосредственно связанную с идеологией¹⁹.

¹⁵ Целесообразно привести в этой связи слова Назыма Хикмета. Отвечая на замечание одного из негритянских писателей о большом сходстве музыки и танцев народов Средней Азии и негров, Хикмет сказал: «В танцах, песнях, рукоделии народов есть поразительное сходство... Однажды, находясь в рязанском колхозе, я услышал старинные русские песни. Я был потрясен — это были знакомые мне с детства мелодии моих анатолийских крестьянских песен... А сходство между народными сказками? Конечно, у каждого народа есть своя тема, им на свой лад обработанная, принадлежащая только ему. Но за исключением этих тем — их меньшинство — темы сказок, можно сказать, — международные, общечеловеческие. Не нужно быть даже глубоким знатоком фольклора, чтобы заметить сходство между турецкими, славянскими, индийскими, арабскими и многими европейскими сказками» (*Назым Хикмет*. В Ташкенте. — «Новый мир», 1958, № 12).

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 209.

¹⁷ Там же, с. 318.

¹⁸ Там же, т. 24, с. 129.

¹⁹ Подробнее см. В. И. Козлов. О некоторых аспектах национальной проблематики в трудах В. И. Ленина. — «Сов. этнография», 1969, № 6.

Из сказанного выше достаточно ясно, что культура, как таковая, часто не совпадает с этносом; точнее говоря, реально выделяемые ареалы многих, если не большинства, элементов как материальной, так и духовной культуры не совпадают с этническими границами; они либо находятся внутри этих границ, либо, что чаще, распространяются на многие этносы или на какие-то их части. Такие явления культуры можно назвать внеэтническими, межэтническими, или интернациональными. Какое же содержание в этом случае можно вложить в широко распространенное понятие этнической, или национальной, культуры?

В нашей философской литературе под национальной культурой было принято понимать лишь ту часть культуры, которая специфична для данного этноса (нации). Именно так она трактуется в соответствующей статье второго издания БСЭ: «Национальная культура — исторически сложившаяся культура той или иной нации, выражающая *специфические* (курсив мой. — В. К.) особенности этой нации, особенности ее духовного облика, образовавшиеся в результате своеобразия условий существования наций»²⁰. Основной упор при этом делался на духовную культуру и почти исключительно на ее форму (главным образом, язык); что же касается содержания национальной культуры, то подчеркивалось, что она «в условиях классового общества является классовой».

С понятийной стороны такое определение национальной культуры имело серьезные недостатки, так как на первый план в нем выдвигалось не содержание, а форма явления; при этом и «диалектическое» взаимодействие «содержания» с «формой» здесь не оказывалось таковым, ибо язык, например, обслуживал все классы общества и в своем основном развитии не очень следовал за изменением классового «содержания». Попытки детализировать данное определение обычно кончались неудачей²¹.

Не могло вполне удовлетворить такое определение национальной культуры и этнографов, так как оно недостаточно учитывало материальную культуру. Что же касается духовной культуры, то, естественно, уступая изучение языка, как основной формы этой культуры, языковедам, этнографы, видимо, должны были бы сконцентрировать внимание на ее классовом содержании, что никак не соответствовало установившемуся профилю их исследований. Поэтому, не полемизируя открыто и даже соглашаясь с приведенным и подобными ему определениями, этнографы в своей работе так или иначе исходили из своего понимания этнической культуры, включая в него все традиционные элементы материальной и духовной культуры; в качестве такой культуры обычно принималась культура сельского населения как наиболее традиционно-массовая и сохранившаяся.

За прошедшие с того времени десятилетия в этнографической науке произошли некоторые изменения. Утвердилось мнение, что основным объектом этнографии являются этнические общности, причем культура и быт каждого этноса должны характеризоваться наиболее полно, охватывать все виды культуры и все (в том числе и социально-классовые) группы людей, входящих в данный этнос²². В условиях растущей урба-

²⁰ «Большая советская энциклопедия», т. 29. М., 1954, с. 290 (2-е изд.).

²¹ Так, в книге Ш. Б. Батырова «Формирование и развитие социалистических наций в СССР» (М., 1962, с. 197) говорилось: «Национальное своеобразие, в том числе национальная форма культуры новых социалистических наций, — не то, что отличает один народ от другого (?! — В. К.), а то, что выражает как специфику исторического пути народа, его наиболее передовые и прогрессивные традиции прошлого, так и — прежде всего и главным образом — его новое социалистическое бытие, рожденные социалистическим бытием новые черты характера». К таким путаным рассуждениям комментария, как говорится, излишни.

²² Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография, с. 205, 213.

низации началось распространение этнографических исследований и связанных с ними понятий не только на группы сельского населения, подвергшиеся сильному влиянию городской культуры, но и на само городское население. Подавляющее большинство этнографов (а в учреждениях союзных и автономных республик — обычно все этнографы) стали более четко специализироваться на изучении какого-то определенного народа или каких-то элементов его культуры, сосредоточивая свои исследования на этом народе.

По существу каждое этнографическое исследование начинается с установления этнической (национальной) принадлежности того или иного информатора или группы людей, среди которых ведется сбор сведений по материальной и духовной культуре; само собой разумеется, что при этом отбираются лишь люди определенной национальности. Для того чтобы выявить специфику этой культуры или, напротив, ее сходство с культурой других, в том числе иноэтнических групп, требуется трудоемкий сравнительный анализ, который часто не проводится то ли из-за отсутствия соответствующих знаний, то ли из-за отсутствия потребности в нем. И как бы сильно ни расходились собранные данные (особенно в случаях, когда они взяты по отличающимся в классово-профессиональном отношении или живущим в различных природных условиях группам), обычно все они, в конце концов, объединяются под общей шапкой (именуемой иногда «системой») как «культура такого-то народа» или «культура такой-то нации».

Чтобы назвать культуру какого-то этноса «этнической», или «национальной», требуется внешне незаметное нарушение понятийной логики, и такой шаг вольно или невольно зачастую делается. Для оправдания его нередко привлекается тезис о том, что все население мира складывается из определенных этносов, что каждый человек, производящий или потребляющий культуру, характеризуется определенной национальной принадлежностью и уже потому культура не может не быть «этнической», или «национальной». В соответствии с этим и межэтническая, или интернациональная, культура, как уже отмечалось в начале статьи, рассматривается лишь в зависимости от национальной культуры, нередко как ее составная часть.

Подобные концепции недостаточно учитывают тот факт, что этносы представляют собой лишь один из реально существующих видов общности людей, что, кроме этносов, существуют еще социально-классовые, профессиональные, религиозные, партийно-политические, государственные и другие виды общностей людей, которые по своему влиянию на жизнь этих людей, на взаимоотношение их с культурой часто не уступают этносам. В феодальную эпоху, например, этническая принадлежность по своему социально-культурному значению явно отходила на второй план перед религиозной, в капиталистическую эпоху — перед классовой и государственной. Правда, на своей ранней стадии капитализм развивался главным образом в национальных или, точнее, национально-государственных рамках, а в дальнейшем буржуазия (и обслуживающая ее так наз. национальная интеллигенция) в конкурентной борьбе старалась опереться на «свою» нацию, но это не очень нарушало закономерную историческую тенденцию к уменьшению роли национального фактора в экономике, да и в других областях жизни. «...Национальный состав населения, — писал В. И. Ленин, — *один* из важнейших экономических факторов, но не единственный и не важнейший среди других. Города, например, играют *важнейшую* экономическую роль при капитализме, а города везде — и в Польше, и в Литве, и на Украине, и в Великодержавии и т. д. — отличаются наиболее пестрым национальным составом населения»²³. «...Именно экономическая и политическая жизнь капита-

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 149.

листической страны *заставляет* на каждом шагу ломать нелепые и устарелые национальные перегородки и предрассудки,— отмечал В. И. Ленин... В акционерных обществах сидят вместе, вполне сливаясь друг с другом, капиталисты разных наций. На фабрике работают вместе рабочие разных наций. При всяком действительно серьезном и глубоком политическом вопросе группировка идет по классам, а не по нациям»²⁴. И поскольку каждый человек, как правило, принадлежит к определенному классу, постольку выделение «классовой» культуры представляется почти столь же логичным, как этнической, или национальной, культуры. Противопоставление таких культур, конечно, мало что дает для понимания существа рассматриваемой нами проблемы, однако сама возможность выделения «классовой» или, например, «государственной» культуры достаточно ясно показывает, что этническая, или национальная, культура является лишь аспектом или частью общего понятия культуры.

В современную эпоху границы этносов, если только они не совпадают с государственными или со значительными естественными рубежами, далеко не всегда представляют собой четко определенную линию. Часто этносы смешаны друг с другом в территориальном, да и в языково-культурном отношении за счет распространения двуязычия и общих элементов материальной и духовной культуры. На практике этнографы имеют дело не с «этносом» как таковым, а с людьми, которые входят в определенный этнос или просто считаются входящими в него. Последнюю оговорку необходимо сделать даже для стран, где национальная принадлежность фиксируется в документах или учитывается в переписи населения, ибо немало людей вынуждено делать однозначный выбор «национальности» в ситуациях, когда этот выбор по существу не может быть четким. Это касается не только детей от этнически смешанных браков, но и значительных групп населения, ассимилированных, например, в языковом и в этнокультурном отношении; в СССР в таком этнически переходном состоянии находятся миллионы людей²⁵. В материалы, характеризующие отдельные этносы СССР, иногда включаются даже сведения о тех людях, которые показали, что их «ничто не сближает с данным этносом»²⁶. Если же обратиться к странам, где этническая (национальная) принадлежность не учитывается, то неопределенность установления там не только собственно «этнической культуры», но и всей культуры данного этноса или нации возрастает.

Изложенное еще раз говорит о том, что этническая, или национальная, культура составляет лишь часть всей культуры, причем эта часть может быть выделена только на основе этнической специфичности ее элементов, обычно играющих этнодифференцирующую роль (т. е. отделяющих данный этнос от какого-то другого); отдельные элементы такой этнической культуры могут иметь значение символов этнической принадлежности и тем самым способствовать интеграции частей данного этноса. Люди, принадлежащие к определенному этносу (и одновременно входящие в другие виды общностей), производят и потребляют этническую культуру; вместе с тем они производят и потребляют неэтническую, межэтническую, или интернациональную, культуру; кроме того, они могут потреблять (но обычно не производят) культуру других этносов (иноэтническую)²⁷.

²⁴ Там же, с. 134.

²⁵ См. В. И. Козлов. Национальности СССР. М., 1975, с. 256.

²⁶ В этносоциологическом обследовании удмуртского этноса такие люди составили, например, около 7% опрошенных (В. В. Пименов, Л. С. Христолюбова. Удмурты. Ижевск, 1976, с. 72).

²⁷ Частично эта проблема была затронута С. А. Арутюновым, который заметил, что «каждый народ СССР... является носителем, потребителем и создателем по меньшей мере двух культур — этнически специфичной и общесоветской» (С. А. Арутюнов. Билингвизм и бикультурализм.— «Сов. этнография», 1978, № 2).

Этнические (национальные) культуры в своей материальной части в настоящее время взаимодействуют очень мало; несколько выделяется в этом отношении национальная кухня, но и ее взаимопроникновение нередко не охватывает массы населения. В целом же традиционные материальные культуры этносов обычно взаимодействуют не между собой, а с межэтнической, или интернациональной, материальной культурой, постепенно уступая ей. Поэтому когда пишут о «взаимодействии» национальных культур, приводящем к их «взаимообогащению», то, видимо, имеют в виду главным образом область духовных культур. Заметим, однако, что языковые формы этих культур взаимодействуют слабо; чаще всего речь может идти лишь о влиянии более развитого языка на другой, приводящем к обогащению словарного состава последнего; впрочем, такое обогащение часто идет и за счет заимствования международной терминологии. Процесс взаимодействия неязыковых форм духовной культуры, например музыки, в научной литературе под этническим углом зрения пока обстоятельно не рассматривался. Нетрудно догадаться все же, что мелодия старинной русской песни вряд ли сейчас войдет, скажем, в традиционные узбекские напевы. Она может быть, правда, использована в переработанном виде профессиональным композитором узбекской или какой-то другой национальности, но профессиональные музыкальные сочинения часто нельзя отнести к этнической культуре даже условно. Немцы могут гордиться, что дали миру Бетховена, а русские — Чайковского, но нет достаточных оснований относить, например, «Лунную сонату» или «Героическую симфонию» преимущественно к немецкой культуре, а музыку к балету «Спящая красавица» или к «Щелкунчику» — к русской культуре. Что же касается взаимодействия этнических духовных культур по их содержанию, то вопрос этот, особенно применительно к СССР, явно требует специального рассмотрения.

Процесс взаимодействия этнических (национальных) культур с межэтнической, или интернациональной (одним из видов которой является общесоветская культура), представляется более определенным, тем более что попытки неточного истолкования сути такого взаимодействия обычно сравнительно легко опровергаются. Но прежде чем перейти к его рассмотрению, целесообразно уточнить термин «интернациональный». Согласно «Словарю современного русского литературного языка», этот термин употребляется в двух основных значениях: а) для обозначения чего-то, относящегося к различным народам, например «интернациональная конференция» (заметим, что чаще для этого применяется термин «международная»); под «интернационализацией» при этом понимается признание чего-то (например, территории, акватории и т. п.) принадлежащим всем нациям; б) в смысле «интернационалистический», т. е. основанный на идеологии и политике интернационализма²⁸. В марксистскую литературу данный термин вошел главным образом в его втором смысле, означая международную солидарность пролетариата в борьбе за построение коммунистического общества и в корне противоречащем сущности национализма.

Таким образом, в своих основных значениях понятие «интернационального» не просто связано с «национальным», но противостоит ему. «...Мы стоим не за „национальную культуру“, — писал В. И. Ленин, — а за интернациональную культуру, в которую от каждой национальной культуры входит только часть, именно: лишь последовательно-демократическое и социалистическое содержание каждой национальной культуры»²⁹. Признавая, что интернациональная культура в своих язы-

²⁸ «Словарь современного русского литературного языка», т. 5. М.—Л., 1956, с. 399—402.

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 209.

ковых формах не «безнациональна», он делал основной упор на содержание культуры. В этом отношении даже элементы, тесно связанные с этнической, или национальной, культурой (например, в сфере языка), входя в интернациональную культуру, как бы лишаются своей этничности; сейчас не так уж важно, например, что «Капитал» написан К. Марксом на немецком языке, а не на английском, и что текст к гимну «Интернационал» был написан и впервые исполнен по-французски, а не по-фламандски.

Возвращаясь к этнографической тематике, отметим, что целесообразно различать два основных пути возникновения межэтнических, или интернациональных, культурных явлений. В первом случае они возникают как элементы этнической культуры, но затем распространяются среди других этносов, отрываясь от «родного» этноса или служат ему не в большей степени, чем другим этносам. Так, праздник новогодней елки утвердился впервые в Германии, но затем столь широко распространился среди народов Европы, да и за ее пределами, что теперь никто уже не считает его «немецким». Попутно заметим, что и в общесоветскую или советскую культуру вполне входят лишь те элементы культуры, которые так или иначе оторвались от прежней этнической базы, скажем не «украинский борщ», а «борщ по-флотски» (или просто — борщ), генетически связанный с первым. Во втором случае межэтнические, или интернациональные, культурные явления сразу же возникают как таковые. Это относится прежде всего ко многим элементам современной материальной культуры, выпускаемым в виде промышленных изделий. Это относится и к той части духовной культуры, которую составляют наука и связанные с ней сферы духовной жизни (за исключением, может быть, лишь некоторых разделов гуманитарных наук)³⁰. Это относится, наконец, и ко многим произведениям, создаваемым в области профессионального искусства, особенно в его неязыковых формах (музыка, балет, живопись и т. д.). При рассмотрении произведений литературы в глаза бросается прежде всего их языковая форма, но значение ее не следует преувеличивать. Многие произведения Гоголя, например, должны быть отнесены скорее к межэтнической (русско-украинской) культуре, чем только к русской. Распространение переводов на другие языки еще более снизило значение оригинальной «этноязыковой» формы. Трагедию Шекспира «Отелло» можно отнести к английской культуре (по языковой «форме» оригинала), но можно и к итальянской (по содержанию), однако со временем она вышла далеко за рамки этих культур; в случае, если эта трагедия ставится московским театром на гастролях в Ереване, ее, конечно, нельзя отнести ни к русской культуре (по языку и национальности исполнителей), ни к армянской (по национальности «потребляющих» ее зрителей); по существу она принадлежит к мировой межэтнической культуре. Примеры такого рода можно было бы умножить.

Межэтническая, или интернациональная, культура не является ни частью этнической (национальной) культуры, ни конгломератом таких культур, а представляет собой принципиально иной компонент культуры. Она не просто сосуществует с этнической (национальной) культурой, но взаимодействует с ней. В отдельных случаях это взаимодействие выражается в том, что некоторые элементы межэтнической, или интернациональной, культуры при их усвоении данной этнической средой несколько изменяются и в таком виде включаются в этническую (национальную) культуру. Однако в подавляющем большинстве случаев это взаимодействие приводит к вытеснению элементов этнической культуры из массового употребления, к превращению их в раритеты, к общему сужению зоны традиционно-бытовой культуры «по мере распространения

³⁰ Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов. К изучению современных этнических процессов в сфере духовной культуры народов СССР. — «Сов. этнография», 1975, № 1.

различных стандартизированных форм профессиональной культуры»³¹. Процесс этот исторически закономерен, в целом прогрессивен и, независимо от субъективного желания людей, неизбежен. Когда В. И. Ленин писал о «всемирно-исторической тенденции капитализма к ломке национальных перегородок, к стиранию национальных различий, к *ассимилированию* наций, которая с каждым десятилетием проявляется все могущественнее, которая составляет один из величайших двигателей, превращающих капитализм в социализм»³², то он, несомненно, имел в виду именно этот процесс. В социалистическом обществе этот процесс получает новые возможности для своего развития в связи с достижением равенства всех наций и усилением общения между ними. Конечно, до завершения процесса интернационализации культуры еще очень и очень далеко, но важно то, что такой процесс реально существует. Поэтому встречающиеся заявления вроде того, что «никакого „вытеснения“ национального интернациональным нет и не будет, причем ни частичного, ни тем более полного»³³, следует отнести к каким-то недоразумениям.

Вместе с тем необходимо еще раз признать, что взятая нами тема очень сложна и что часть вопросов была рассмотрена по необходимости кратко, с показом лишь основных тенденций и потому с некоторым упрощением реальной картины взаимодействия этнической, или национальной, и межэтнической, или интернациональной, культур. Часть вопросов осталась без рассмотрения. К ним относится проблема возможной этнической интеграции элементов интернациональной культуры. Встречаются высказывания, что национальная культура представляет собой такую систему, которая может складываться не только из этнически специфических, но и из интернациональных элементов, если последние употребляются или воспринимаются не так, как в среде других этносов. К сожалению, эта проблема изучена слабо, методология ее исследования не разработана, и встречающиеся суждения обычно не идут дальше умозрительных заключений. Не вполне бесспорным представляется и сам взгляд на этническую, или национальную, культуру как на целостную систему; возможно, что в настоящее время в СССР, например, целостной системой является лишь «культура этноса». В этом случае попытки представить набор каких-то элементов интернациональной культуры, находящихся в употреблении данного этноса, в виде части национальной культуры станут еще более сомнительными. Эти попытки плохо согласуются с тем признанным выводом, что «определяемая, прежде всего, уровнем развития производительных сил страны, ускоряемая воздействием научно-технического прогресса интернационализация в условиях зрелого социализма всесторонне охватывает и все глубже пронизывает производство материальных благ, науку, образование, технику, духовную жизнь, быт, всю систему общественных отношений»³⁴.

В этнографической науке изучение процессов взаимодействия этнических (национальных) культур между собой и с межэтнической, или интернациональной, культурой началось уже сравнительно давно, особенно в сфере духовной культуры. При этом постепенное сокращение сферы национально-специфической культуры обычно воспринималось достаточно объективно, как закономерное, положительное явление³⁵. Изучение таких процессов расширилось по мере того, как этнографы осознали,

³¹ Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография, с. 212.

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 125.

³³ М. И. Куличенко. Социально-экономические основы развития советской многонациональной культуры в условиях зрелого социализма.— «Национальный язык и национальная культура», М., 1978, с. 11.

³⁴ Н. Тарасенко. Сближение наций — закономерность коммунистического строительства.— «Коммунист», 1978, № 3, с. 66.

³⁵ См., например, Е. Н. Студенецкая. О современной народной одежде.— «Сов. этнография», 1963, № 2.

что традиционно повышенное внимание к этнической (национальной) культуре может означать уход в прошлое, отвлечение от насущных проблем современности. Обширный и ценный материал для характеристики этих процессов в последнее время дали конкретные этносоциологические обследования. Однако при таком расширении тематики некоторые методологические проблемы и прежде всего важнейшая из них, связанная с взаимодействием этнической (национальной) и межэтнической, или интернациональной, культур, остались недостаточно освещенными.

Завершая данную статью, хочется еще раз привлечь внимание к необходимости определения тех пропорций, которые образуют в культуре этносов элементы этнической, иноэтнической и межэтнической, или интернациональной, культур, а также в каком направлении и какими темпами идет изменение этих пропорций. Применительно к народам СССР такая работа была уже начата монографией «Современные этнические процессы в СССР». Остается ее продолжить.

ETHNOS AND CULTURE

The interconnection is examined between traditional ethnic or «national» culture and the wider concept of «the culture of the ethnos» as well as the general concept of ethnos. People belonging to an ethnos may produce not only specifically ethnic culture but also inter-ethnic and international culture; they may consume both of these and, besides this, the culture of other ethnoses. It is shown that in the course of the historical development of society ethnic specificity in material culture and, to a certain extent, in intellectual culture tends to contract, while the role of international culture increases. This spontaneous process raises the problem before ethnographers of supplementing their study of traditional culture with full consideration of the interrelation between the ethnic (national) and the international in the culture of individual peoples.